

Тов. (д-р) Бабурам Бхаттараи,

Председатель Объединённого народного фронта Непала

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НАРОДНОЙ ВОЙНЫ В НЕПАЛЕ

«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»

Карл Маркс

I. Исторический контекст и теоретические предпосылки

Вооружённая народная война была начата в Непале 13 февраля 1996 г. под руководством Коммунистической партии Непала (маоистской) с заявленной целью установления новодемократической социально-экономической системы и государства свержением существующих социально-экономической структуры и государства. Это следует воспринимать на том фоне, что Непал соскользнул до положения второй беднейшей страны в мире с точки зрения материального и культурного развития; 71% населения оказался ниже уровня нищеты; 46.5% национального дохода находятся в руках 10% самых богатых людей; свыше 60% всего населения неграмотны, свыше 90% всего населения живёт в сельских районах и 81% рабочей силы занят отсталым сельскохозяйственным трудом; 10% — полностью безработны и 60% — частично безработны или охвачены скрытой занятостью. Также и темп роста производства пищевого зерна, важнейшего национального производства, демонстрировал последние 30 лет спад; иностранный долг составляет свыше 60% валового внутреннего продукта, и его бремя увеличивается из года в год. Таким образом, только естественно стремиться узнать, как народная война и новодемократическая революция собираются решить названные громадные проблемы. Не секрет, что существующее реакционное государство на протяжении последних 50 лет долдонило разные привлекательные лозунги наряду с восемью пятилетними планами во имя решения этих проблем, но после каждого плана или кампании эти проблемы ещё более усугублялись, и в социально-экономическом отношении страна ещё более скатывалась в сравнении с другими странами. В этом контексте необходимо выяснить коренную причину или причинный фактор такого состояния дел и обеспечить научное решение, а не просто рассмотреть внешние признаки проблемы и решить её частично или изолированным образом. Для этого необходимо выработать решение, анализируя проблему с помощью метода исторического материализма и марксистско-ленинско-маоистской политической экономии; и сегодня в Непале маоистская народная война пытается сделать именно это.

В процессе создания товаров, необходимых для удовлетворения материальных и культурных нужд, люди используют некоторые объекты и технологии (производительные силы) и в этом процессе устанавливают между собой особые отношения (производственные отношения). Именно через взаимодействие производительных сил и производственных отношений рождается конкретная общественная система (способ производства). Так и противоречие между всегда меняющимися производительными силами и производственными отношениями представляет собой движущую силу развития общества. В общем случае, так как развитие производительных сил протекает быстрее, а развитие производственных отношений намного медленнее, на некоторой стадии развития общества производственные отношения блокируют развитие производительных сил, что приводит к задержкам и деформациям в обществе. В такой ситуации становится необходимым разбить старые производственные отношения и развить вместо них новые. Только таким образом возможно устранить распространившиеся искажения и задержки развития, развив на их месте новые производительные силы и придав ходу общества вперёд новый импульс. Это — процесс и момент социальной революции. С другой стороны, реакционные господствующие классы и их союзники пытаются развивать производительные силы при помощи различных реформистских шагов, не разбивая старых производственных отношений, ставших препятствием для развития. Итак, первый путь развития известен в истории «революционный», а второй — как «реформистский». Но приемлемость «реформистского» пути сохраняется только пока имеется возможность развития производительных сил в рамках старых производственных отношений и после истощения этой возможности «революционный» путь становится необходимым и неизбежным. Здесь важно понять, что в Непале попытка создать новодемократическую систему, разбив старую систему посредством длительной народной войны под руководством КПН (маоистской), была сделана, когда все попытки проведения реформ в

рамках долгое время охваченной кризисом старой полуфеодальной и полуколониальной системы потерпели неудачу.

Так же важно обратить в самом начале внимание, что, как и в случае всех мировых явлений, решающий фактор в развитии общества — движение, производимое внутренними противоречиями (между производительными силами и производственными отношениями). Однако при определённых условиях вмешательство внешних сил существенным образом затрагивает внутренний процесс развития. Особенно сегодня, после появления капитализма и его высшей стадии, империализма, благодаря централизации и концентрации, свойственным капиталистическому развитию (процессу поглощения всех мелких капиталов распространяемыми крупным капиталом щупальцами и расширенного воспроизводства капитала), никакая общественная система в мире не выходит из-под влияния империалистических вмешательств, да это и невозможно. Кроме того, чем более примитивна и отстала общественная формация, тем более разрушительно влияние империалистических вмешательств на её внутренний процесс развития. В обществах, находящихся накануне перехода от феодализма к капитализму, выстраивание империализмом особенно сильно искажает внутренние производственные отношения, развивая вместо индустриального капитализма компрадорский и бюрократический капитализм. Это — фальшивый капитализм, функционирующий в качестве агента иностранного монополистического капитализма, участвующий в финансовых и коммерческих действиях вместо производительных и с самого начала с опорой на государство принимающий монополистический характер. Именно поэтому необходимо разорвать отношения с внешним империализмом при обеспечении прогрессивных преобразований во внутренних производственных отношениях революционными средствами.

Кроме того, важно понять диалектические взаимосвязи между развитием общества и пространственной структурой. Поскольку наряду с развитием общественного процесса происходят изменения и в материальной структуре, хотя их характер и качество могут быть иными и меньшими, чем в социальной структуре. Что касается отношений между двумя процессами, было бы более научно рассматривать материальную структуру скорее как «отражение» социальной и в меньшей степени — как «причинный фактор». Необходимо понять процессы преобразования общественных и пространственных структур в их взаимосвязи — как искажение и расстройство общественного процесса отражается в региональной структуре через неравное региональное развитие и т.п. Только таким образом можно понять важность маоистской длительной народной войны, основанной на стратегии окружения города деревней.

На основе вкратце изложенных выше концептуальных предпосылок можно проанализировать внешние и внутренние классовые отношения непальского общества и вытекающие из них социально-экономические и пространственные проблемы, и оценить путь народной войны как решение этих проблем.

II. Внешние сношения обслуживают империализм и экспансионизм

II.1. Империалистическое угнетение

Нынешнее время — эра империализма или монополистического капитализма. Ввиду свойственной капитализму неравномерности развития основная часть мирового капитала и богатств сконцентрировалась в руках немногих империалистических стран Запада и Севера, притом, что большинство стран Востока и Юга (Азия, Африка и Латинская Америка) страдают от недоразвитости и бедности. То, что разрыв между богатыми и бедными никогда доселе в истории человечества не был настолько широк и становится всё шире, подтверждено статистическими изысканиями самих империалистических организаций. К примеру, годовая сумма продаж двухсот крупнейших многонациональных компаний империалистических стран превышает валовое внутреннее производство всех стран, кроме девяти крупнейших и богатейших (США, Япония, Германия, Франция, Британия, Россия, Италия, Канада и Австралия) и они владеют третью мировых богатств. Разница доходов богатейших и беднейших стран мира в 1960-х составляла 30 раз, а теперь, в 1990-е, увеличилась до более чем 60-ти раз. В мировом масштабе перекачивание богатств из угнетённых стран в империалистические происходит в форме прибыли от промышленных капиталовложений, ссудного процента, коммерческой прибыли от торговли товарами и услугами и т.п. Именно поэтому, какие бы капиталовложения империалистические силы ни делали в угнетённых странах через многосторонние средства вроде Мирового банка, Международного валютного фонда и т.д. и односторонние средства вроде транснациональных корпораций или правительств их стран, различными путями они забирают в империалистические центры из угнетённых стран в десять раз больше капитала. Кроме того, посредством научно-технической монополии, монополии на средства связи и капитал империалистические страны исказили и поставили в зависимость всё развитие угнетённых стран. С другой стороны, согласно логике и правилу империалистов «большая рыба съедает меньшую», всегда будет сохраняться жестокая конкуренция среди монополистически-капиталистических групп за расширение их гегемонии и война в защиту своих экономических зон влияния и территорий или за передел старых экономических территорий. Это доказано тем фактом, что после появления империализма в ходе XX века произошли две мировых войны (более 160 войн произошло после Второй Мировой войны) и в этих войнах погибло в 6 раз больше людей, чем в войнах XIX века. Сам факт, что империалисты тратят \$1 трлн. в год на вооружения (почти половину которых тратят одни только США), доказывает связь между империализмом и войной. Именно поэтому империализм называется также «эрой военного капитализма». Таким образом, с одной стороны, чрезвычайно обостряются противоречия между империализмом и угнетёнными нациями, а, с другой стороны, империализм подталкивает весь мир на край войны. В такой ситуации для угнетённых наций становится не только естественной, но и неизбежной, освободительная война, уповающая в стратегическом плане не на капитал, вооружение или технику, а на угнетённые массы.

Из угнетённых наций мира Непал принадлежит к наиболее угнетённым. Сам факт, что с 1970-х он скатился с тринадцатого места среди беднейших стран ко второму, указывает на драматическое состояние страны. Что это состояние бедности и слаборазвитости происходит не от недостатка природных ресурсов или лени трудящихся масс, а от внутренних и внешних реакционных классовых отношений, может быть доказано сравнением положения Непала до и после полуколониального Сугаулийского договора 1816 г. с другими современными странами мира. Непал, зажаты между гигантскими государствами Китаем и Индией и окружённый с юга, запада и востока Индией на склоне Гималаев, был на протяжении своей истории вначале угнетён британским колониализмом, а после 1950-х — различными империалистическими державами и преимущественно индийским экспансионизмом. После Сугаулийского договора и до сих пор внутреннее развитие Непала оставалось подавлено и искажено разрушительным эффектом внешних империалистических и экспансионистских сил. Все экономические и неэкономические

показатели общественного развития доказывают это. Недоразвитость, искажение и зависимость особенно усилились после 1950-х, когда он был привязан к империализму через торговлю, финансы и другие средства. Факт, что сегодня иностранный долг вырос до более чем 150 млрд. рупий, годовой торговый дефицит достиг почти 50 млрд. рупий (что равно годовому бюджету), зависимость во всех областях экономики усугубилась и т.д., достаточно демонстрирует угнетение империализмом. По соглашению Международного валютного фонда, всякая страна, иностранный долг которой превышает 200-250% экспорта, а отношение обслуживания долга превышает 20% экспорта, считается находящейся в «критическом» состоянии. В Непале оба этих показателя в 1994-1995 гг. подскочили более чем до 600% и 35% соответственно. Следовательно, нет сомнений, что состояние Непала стало критическим и трагическим из-за его запутанности в империалистической сети. Таким образом, в Непале стало необходимым вести народную войну, чтобы освободиться от угнетения империализмом и пойти вперёд по пути самостоятельного развития. С этой точки зрения, народная война в Непале — часть мирового антиимпериалистического национально-освободительного движения.

II.2. Экспансионистское угнетение

Крупнейшее прямое проявление мирового империалистического угнетения и эксплуатации в Непале — индийская экспансионистская эксплуатация и угнетение. Экспансионизм — процесс эксплуатации и угнетения меньшей и более слабой экономики более сильной экономикой, не развившейся до уровня империализма, но черпающей силу из поддержки внешних империалистических сил и собственного государства. Кроме того, поскольку её гегемония не может поддерживаться чисто капиталистической конкуренцией, экспансионистская держава использует внеэкономическое принуждение (напр., военное, политическое, культурное и т.д.), для защиты своих экономических зон влияния или рынка. Именно поэтому индийский экспансионизм, который сам является тюрьмой различных угнетённых наций, эксплуатирует и угнетает различные соседние страны Южной Азии и прочие азиатские, африканские и латиноамериканские страны при поддержке империалистических сил вроде США, Великобритании, Японии, Франции, Италии, Германии, России и т.д. или многонациональных компаний, имеющих офис не только в собственном основном государстве, но и в Дели. Индийский экспансионизм удерживает Непал как свой захваченный рынок через навязанные в разное время неравные соглашения, пользуясь тем, что Непал с трёх сторон блокирован Индией и транспортное сообщение, коммуникация и торговые связи с остальным миром возможны только через Индию. Исторически, в 1816 г. Британская Индия навязала Непалу Сугаулийский договор, опускающий его до полуколонии, и вследствие этого непальский путь независимого и самостоятельного развития был блокирован и стали нарастать социально-экономическое отставание и недоразвитость, происходило искажённое и зависимое развитие. Если сравнить социально-экономические показатели развития непосредственно до и после Сугаулийского договора, это становится весьма ясным. Напр., до того Непал был самостоятелен в основном индустриальном производстве, напр., хлопковых тканей, медной и бронзовой посуды, домашних инструментов, вооружений (включая современные винтовки), сахара и т.д., а также пищевого зерна. Но после, с проникновением фабричных товаров из Индии и сопутствующего упадка непальской промышленности, Непал был ввергнут в полную зависимость. Это произошло не внезапно, процесс начался с Сугаулийского договора и затем развивался, особенно после непальско-индийского торгового союза 1923 г. (который сделал Непал «общим рынком» Индии) и достиг пика в десятилетия после полуколониального Договора 1950 г. с так называемой «свободной» Индией. В настоящее время именно через Договор 1950 г. индийский экспансионизм поддерживает свою полуколониальную коммерческую, промышленную и финансовую монополию над Непалом; экспансионистское угнетение и эксплуатация в различных областях обеспечивались периодическими торговыми и транзитными и другими договорами и соглашениями на основе происходящих от Договора 1950 г. неравных отношений. Полуколониальные отношения имеют множество планов — экономический, политический, военный, культурный и т.д., и в Непале индийская экспансионистская

эксплуатация и угнетение также имеют многообразный характер. Однако все различные формы в конечном счёте служат экономической эксплуатации и угнетению и в Непале экономика также является главным и наиболее явным аспектом угнетения и эксплуатации индийским экспансионизмом.

Традиционно индийский экспансионизм использовал Непал как захваченный рынок для своих промышленных товаров. Поэтому до 1950-х ок. 95% непальской внешней торговли приходилось на Индию. В последующие десятилетия, с ростом прямого проникновения в Непал других империалистических сил, доля Индии в торговле сократилась примерно до 30%, но структура торговли чрезвычайно неблагоприятна для Непала (см. табл. 1). Кроме того, важно указать, что благодаря открытой границе между Непалом и Индией почти треть всей торговли происходит неофициально или нелегально, так что объём торговли с Индией всегда больше, чем сообщает официальная статистика. Если говорить о структуре торговли, экспортно-импортное отношение Непала с Индией до Сугаулийского договора составляло 5:1 в пользу Непала, и оно оставалось ещё 2:1 в период действия торгового соглашения в 1923 г., а после Договора 1950 г., оно стало 1:2 против Непала и сегодня, в 1990-х, почти 1:7 против Непала. Таким образом, выясняется, что через всё больший торговый дефицит непальская экономика запутывается в силках индийского экспансионизма без какой либо надежды на избавление. Во-вторых, если проанализировать товарную структуру импорта и экспорта, то можно заметить, что Непал экспортирует товары с меньшей добавленной стоимостью, главным образом необработанные или полубработанные сельскохозяйственные продукты (64.14%), а импортирует из Индии промышленные продукты с большой добавленной стоимостью (ок. 75%) и это отношение ухудшается для Непала из года в год. Таким образом, можно видеть, что империалистическое угнетение и эксплуатация через «неравный обмен» работает и в случае Непала. В-третьих, поскольку полукOLONиальный Договор 1950 г. обеспечивает индийским монополистическим капиталистам «национальный режим» для проживания в Непале и участия в экономических действиях наравне с непальскими гражданами, они способны полностью монополизировать экономику Непала. В настоящее время около дюжины индийских миллиардеров (главным образом, Марвари) контролируют в основном непальскую промышленность и торговлю. По сделанной некоторое время назад оценке одного индийского исследователя, ок. 80% непальской промышленности и торговли были в руках индийских или имеющих индийское происхождение капиталистов. Индийское экспансионистское государство взяло под контроль средства международного транзита, которыми не имеющая выхода к морю страна вроде Непала имеет право пользоваться беспрепятственно. Таким образом оно дополнительно облегчило себе установление гегемонии над непальской экономикой, навязывая Непалу неблагоприятные и неравные условия торговли. Это отражено в конфликте, периодически возникающем каждое десятилетие, когда торгово-транзитный договор возобновляется и непальский народ протестует против этого. Другой важный аспект механизма превращения Непала в захваченный рынок индийских экспансионистов — то, что многонациональные компании различных империалистических стран вроде США, Великобритании, Японии, Германии и т.д., продают в Непал товары, произведённые в своих основанных в Индии филиалах, или открывают отделения своих индийских филиалов в Непале. Напр., в Непале продаются продукты многонациональных компаний, основанных в Индии, таких как Bata (обувь), Hoecht (медикаменты), Proctor and Gamble (мыло, шоколад и т.д.), Nestle (кофе, молочные продукты и т.д.), Brookbond (чай) и т.д., и продукты индийских совместных предприятий с многонациональными компаниями, таких как Maruti-Suzuki (автомобили), Hero-Honda (мотоциклы) и т.д. Кроме того, многонациональные компании открыли отделения своих индийских филиалов в Непале, таких как Hindustan Lever (мыло) и т.д. Таким образом, мировой империализм въезжает в Непал на лошади индийского экспансионизма. Это совместное вторжение и угнетение империализма и экспансионизма не только подавляют развитие национальной промышленности Непала, но и создаёт такую ситуацию, что прежде самостоятельные отрасли вроде изготовления мыла, чая, обуви, печенья, бумаги и т.д., теперь начинают ликвидироваться одна за другой. Те отрасли, которые выросли с 1980-х и являются основными экспортёрами в третьи страны (св. 92% всего экспорта), вроде шерстяных ковров и одежды, открыто или скрыто контролируются индийскими

экспансионистами благодаря их гегемонистскому контролю над сырьём, трудом, капиталом и торговлей. То же относится и к сектору туризма: главная добывающая иностранную валюту сфера услуг также подконтрольна индийским капиталистам. Это доказанный факт, что из четырёх пятизвёздочных гостиниц сначала все четыре, а теперь три сотрудничают с индийскими капиталистами (в т.ч. одна полностью принадлежит индийцам), и что все звенья туристической индустрии глубоко связаны с индийской экономикой.

Помимо превращения Непала в захваченный рынок для промышленных товаров, другая особенность индийской экспансионистской эксплуатации и угнетения — контроль над непальскими природными ресурсами, главным образом, богатыми водными ресурсами. Большинство рек, орошающих наиболее населённые северогангские равнины протекают через Непал и самым дешёвым и легкодоступным источником энергии, требуемой Индии для последующей индустриализации и общего потребления, могут быть огромные водные ресурсы Непала, имеющего второй в мире потенциал водных ресурсов (из оцениваемого потенциала 83 000 МВт гидроэлектроэнергии используются пока только 0.5%). Вот почему индийские экспансионисты в прошлом узурпировали непальские водные ресурсы — главным образом для целей ирригации — через Шарададарнское соглашение в 1920 г., Косийское соглашение в 1954 г. и Гандакийское соглашение в 1959 г. Однако, в 1996 г. через так называемое «Соглашение о комплексном проекте развития Махакали» они получили полный контроль над всей рекой Махакали в энергетических и ирригационных целях. Заключённые ранее Косийское и Гандакийское соглашения были неприкрыто полуколониальными, они лишили ирригации Тераи, зерновую чашу Непала, повернув всю ирригационную воду в Индию дамбами, построенными только по непальскую сторону (оставив Непалу только незначительное количество воды и запретив строительство других дамб выше по течению на значительном протяжении). Нынешний договор по Махакали, однако, придал неоколониальной эксплуатации и угнетению более гибельную форму, говоря о равенстве в теории, но на практике обеспечивая индийским экспансионистам монополию в использовании воды и электричества, а Непалу навязывая триллионы рупий иностранного долга. Кроме того, через Совместное коммюнике от 10 июня 1990 г. индийские экспансионисты открыли дверь для осуществления в будущем монополии над наиболее важными водными ресурсами Непала, объявив все реки Непала «общими реками» и для Индии.

Другая фатальная форма эксплуатации и угнетения индийским экспансионизмом наблюдается в форме использования наивной, старательной и боевитой горской молодёжи Непала для наёмнической службы и в других секторах в качестве дешёвой рабочей силы, и таким образом удержание полуфеодалного сельского хозяйства Непала в вечной зависимости от этого бизнеса. Эта эксплуатации труда, временная и «поколенная» (т.е. занятие сыном места отца!) миграция, начавшиеся сразу после заключения Сугаулийского договора, имели бедственный результат для исторического развития промышленного пролетариата и местного капитализма в Непале.

Общий рынок и открытая граница, поддерживаемые в соответствии с торговым договором 1923 г. и «договором о мире и о дружбе» 1950 г., сделали непальскую финансовую и денежную систему полностью зависимой от индийской, и это имело очень неблагоприятные последствия для развития национального капитала и индустриализации в Непале.

Во всём этом контексте нет сомнений, что 180 лет непрерывных полуколониальных отношений с индийским экспансионизмом имели крайне отрицательный и разрушительный эффект для развития внутренних классовых отношений и социально-экономических структур и, по сути, для развития национального капитализма в Непале. Поэтому одна из важнейших целей маоистской народной войны разорвать цепи полуколониализма и возвестить новый тип национального капитализма (новую демократию), мобилизовав людей всех категорий и классов, страдающих от всех форм полуколониальной эксплуатации и угнетения.

III. Внутренние общественные и пространственные (региональные) отношения

Хотя развитие общества испытывает влияние вмешательства империализма и экспансионизма, но главная причина и основа развития — во внутренних классовых или производственных отношениях. Поэтому нужно искать коренную причину недоразвитости, бедности, социально-экономико-регионального неравенства и культурного упадка Непала во внутренних общественных и пространственных отношениях и, таким образом, выходить на путь его прогрессивного преобразования. Вообще говоря, существующее государство Непала находится в процессе перехода от феодализма к капитализму, но оно было заторможено и разложилось до состояния полуфеодального и полукOLONИАЛЬНОГО государства благодаря внешним империалистическим и экспансионистским вмешательствам и внутренним реакционным классовым отношениям. Кроме того, у Непала есть свои географические и исторические особенности, отражённые в том факте, что из всей территории 79% составляют горные области и только 21% — равнинные земли; географическое и этническое разнообразие огромно; в истории не было никакого непосредственного колониального опыта; на протяжении последних 225 лет страна имела непрерывное централизованное государство одних и тех же реакционных классов, и т.д. В этом контексте было бы полезно проанализировать существующую социально-экономическую структуру Непала и вытекающие из неё проблемы в свете некоторых основных общественных и географических отношений.

III.1. Полуфеодальные отношения и застой в сельском хозяйстве

Основной экономический фундамент нынешнего непальского общества — сельское хозяйство, поскольку св. 81% рабочей силы в стране заняты в сельском хозяйстве и почти половина валового внутреннего продукта поступает из этого сектора. Вот почему уровень развития производительных сил и производительности в сельском хозяйстве имеют решающее влияние на развитие экономики в целом и наличествующее в сельском хозяйстве производственное отношение играет решающую роль в определении характера всей социальной структуры.

Производительные силы в непальском сельском хозяйстве чрезвычайно отстали и почти примитивны по характеру. Прежде всего, характер средств производства отражает уровень развития производительных сил. Более низкоразвитое и отсталое сельское хозяйство больше должно полагаться на традиционные средства производства, такие как земля, человеческий и животный труд, примитивное оборудование и т.п. Даже сегодня почти 99% всех инвестиций в непальском сельском хозяйстве делаются в землю, человеческий и животный труд и примитивное оборудование и только ок. 1% вкладывается в современные средства производства (напр., машины, удобрения, пестициды, высокоурожайные семена и т.п.). Сверх того, св. 81% всей рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, указывает на очень примитивную стадию экономики, поскольку избыточный труд впустую растрачивается в форме скрытой или неполной занятости и, в конечном счёте, имеет неблагоприятные последствия для всего национального производства. Именно поэтому более развитая экономика означает меньший процент рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, а дополнительная рабочая сила занята в более производительных секторах вроде промышленности или услуг (напр., в Соединённых Штатах в сельском хозяйстве занято менее 7% всей рабочей силы). Пока же в Непале дела обстоят так, что в среднем на гектар земли занято три человека, а в горной области — даже шесть человек. Другой важный показатель развития производительных сил в сельском хозяйстве — ирригационные мощности. В Непале до 1991/92 гг. только 13% общей площади возделываемых земель (т.е. из 26 млн. га), включая 18% в области Тераи и только 8% в горной области, имели постоянные ирригационные мощности. Так происходит не из-за какого-то природного недостатка воды или гористой топографии, но из-за вполне социальных причин. Это в основном подтверждается отчётом, представленным

ранее Азиатским банком развития, согласно которому 60% общей площади возделываемой земли в Непале, включая 80% в Тераи и 25% в горах, возможно обеспечить ирригационными мощностями. В основном из-за недостатка ирригации урожайность в Непале составляет, оценочно, только 90% (менее одного урожая в год), что указывает на очень низкий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве. Примитивная структура сельскохозяйственного производства и сокращение уровня производства также указывает на низкий уровень производительных сил в сельском хозяйстве. Чем более отстало или низкоразвито общество, тем шире доля производства потребительских предметов. В этом отношении, в Непале 80% всего сельскохозяйственного производства приходится на пищевое зерно, а производство товарных культур незначительно и, кроме того, слишком сосредоточено в ограниченных областях Восточного Тераи. Наиболее беспокоящий аспект — сокращение уровня сельскохозяйственного производства. По официальной статистике, за десятилетие с 1984/85 г. до 1994/95 г. общий прирост сельскохозяйственного производства составил -0.68%, притом, что для продовольственного зерна этот показатель был -7.23%, и даже по основной зерновой культуре — рису — он составил -16.17%. Таким образом, бывший когда-то страной-экспортёром продовольственного зерна Непал теперь превратился в импортирующую продовольствие страну. На это указывает чистый импорт продовольственного зерна стоимостью 3.5 млрд. рупий в 1994/95 бюджетном году из Индии и других стран. Превращение большинства горных районов, которые традиционно самообеспечивались продовольственным зерном, в районы продовольственного дефицита демонстрирует достаточный признак спада и тревожного состояния сельского хозяйства в горных областях. Самый важный показатель развития производительных сил в сельском хозяйстве — производительность земли и труда и её прирост. Однако, нетрудно понять плачевно низкий уровень производительности земли и труд в Непале, где отношение населения/земля очень высоко, а ирригация и модернизация производства используются очень мало. По одной оценке, сделанной несколько лет назад, среднее производство на гектар 10-ти урожаев было 2700 рупий по текущим ценам, притом, что производительность труда (годовая) была только 1461 рупий. Этот очень низкий уровень производительности ещё более снижается каждый год и, за исключением немногих районов Восточного Тераи, состояние сельского хозяйства очень болезненно и тревожно по всей стране, особенно в горных областях.

Что же тогда является главной причиной чрезвычайно низкого уровня производительных сил и нарастающего кризиса в сельском хозяйстве, основе экономики страны и социальной структуры? Для этого необходимо проанализировать производственные отношения в сельскохозяйственном секторе. Важнейшее средство производства в сельском хозяйстве — земля, и состояние собственности на пригодную для возделывания землю определяет способ организации, извлечение и использование избыточного продукта (то есть производственные отношения). В отсутствие научных отчётов и достоверных данных о распределении земли в Непале очень трудно проводить объективный анализ земельных отношений; однако некоторые обобщения можно сделать на основе данных, собранных из правительственных и квазиправительственных или неправительственных источников. Первое впечатление о нынешних земельных отношениях в Непале вообще — что распределение земли очень неравномерно и огромное большинство населения имеет статус безземельных, полубезземельных и бедных крестьян.

Итак, что касается доступности пригодной для возделывания земли и её производительности в Непале. Если определить тех, кто имеет менее 1 га, как «бедных крестьян», от 1 до 4 га — «средних крестьян» и более чем 4 га — «богатых крестьян» или «феодалов», то даже тогда данные, основанные на правительственной статистике, сообщают, что ок. 70% бедных крестьян имеют только ок. 25% земли, 25% средних крестьян имеют ок. 45% земли и ок. 5% богатых крестьян имеют 30% земли (см. табл. 2). По более надёжному отчёту, представленному одним специалистом от организации ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства (FAO), прибывшим в Непал, чтобы оценить результаты широко разрекламированной «земельной реформы» в 1964 г.,

земельные отношения в Непале даже ещё более неравны. Согласно ему, 8% непальского населения является полностью безземельным, а из тех, кто имеет землю, 65% бедных крестьян имеют только 10% земли, 25% средних крестьян — 25% земли, и 10% богатых крестьян — 65% от земли. И в Тераи эти крупные лендлорды, владеющие более чем 10 га каждый, собрали более 50% всей земли, притом, что в горных районах бедные крестьяне составляют св. 80% населения (см. табл. 3). Таким образом, легко заметить, что основная причина низкого развития производительных сил в непальском сельском хозяйстве — недостаток земли во владении трудящегося большинства крестьян, притом, что огромные площади сконцентрированы в руках нетрудящейся горстки людей.

Кроме собственности на средства производства, способ организации труда, распределения и потребления произведённого определяет общественные классовые отношения и, в конечном счёте, общественные производственные отношения. В непальском сельском хозяйстве не хватает надёжной статистики по этому вопросу. Однако, широкий образ классовых отношений в непальском сельском хозяйстве можно различить, обобщив данные из правительственных, полуправительственных и неправительственных источников. Без сомнения, большинство является «земледельцами-собственниками», имеющими свои клочки земли и работающие на них. Однако, так как даже те лендлорды, которые владеют более чем десятками гектаров земли и никогда не ступали на свои сельхозугодья, учтены в официальной сельскохозяйственной переписи как «земледельцы-собственники», невозможно поверить, что число «земледельцев-собственников» выросло с 60% в 1961 г. до 80% в 1971 г. (см. табл. 4). Вот почему так произошло: чтобы обойти закон об аренде, большинство лендлордов представило ложные декларации, что они возделывали свою землю, — таким образом количество «земледельцев-собственников» было раздуть. Даже теперь не только крупные лендлорды, но и средние крестьяне, по различным причинам (напр., из-за физической неспособности по болезни или старости и занятость других членов семьи в других местах и т.п.), сдают землю арендаторам для возделывания вместо того, чтобы возделывать её самим, но в правительственных отчётах, они зарегистрированы как «земледельцы-собственники» вместо землевладельцев. С этой точки зрения, данные из отчёта специалиста FAO, согласно которому «земледельцы-собственники» составляют 65%, а возделываемая ими земля — 49%, могут быть приняты как более близкие к правде (см. табл. 5). Кроме тех, кто возделывает свою землю трудом своей семьи, остальные или сдают её арендаторам или возделывают различными формами труда отработывающих долг или наёмных работников. Поскольку донныне права арендаторов в стране не защищены, и число незарегистрированных арендаторов существенно превышает число зарегистрированных, невозможно оценить число арендаторов и площадь обрабатываемой ими земли. По правительственной сельскохозяйственной переписи, проводимой каждое десятилетие с 1961 г. до 1991 г., доля арендаторов в общем количестве земледельческих домохозяйств варьируется от максимум 40% до минимум 10%, а доля обрабатываемой ими земли в общей площади пригодной для возделывания земли варьируется от максимум 2% до минимум 6%, что, как сказано выше, явно представляет нижнюю границу. Отчёт представителя FAO называет долю арендаторских домохозяйств — 30%, а возделываемой ими земли — 24%; притом, что другие исследования, проводимые неправительственными организациями, дают долю арендаторов — 40%, а возделываемой ими земли — 30%. Из своего практического опыта, мы чувствуем, что последние оценки гораздо ближе к правде. Благодаря географическое дифференциации доля «земледельцев-собственников» выше в горных областях, а доля «арендаторов» — в Тераи и Внутреннем Тераи, что совершенно естественно, учитывая доступность пригодной для возделывания земли и демографическое давление. Согласно условиям аренды, почти две трети арендаторов возделывают землю за долю урожая, а остальные — за установленную арендную плату, денежную или товарную, и в соответствии с иными арендными условиями. При уплате долей урожая арендаторы сдают половину своей продукции землевладельцам, притом, что в других странах арендаторы отдают только от одной трети до одной шестой части. Хотя система аренды также существует при капиталистическом способе производства, однако в непальской системе аренды, особенно при уплате долей урожая, арендаторы принуждаются обрабатывать чужие земли скорее ради простого выживания, чем чтобы заработать капиталистическую прибыль, права

арендаторов не защищены, уровень арендной платы высок, арендаторы привязываются к лендлорду высоким ссудным процентом и другими трудовыми повинностями помимо арендной платы за землю. Из-за всего этого данное трудовое отношение имеет полуфеодальный тип и ретроградный характер. Таким образом, ясно, что основной способ извлечения прибавочной стоимости в непальском сельском хозяйстве (и косвенно — всей экономике) является полуфеодальным отношением, и то же отношение играет основную роль в недоразвитости и застое непальского сельского хозяйства (и косвенно всей экономики). Кроме земледельцев-собственников и арендаторов, оставшиеся почти 5% лендлордов используют долговой и наёмный труд для возделывания остальных 20% земли. У них в центральном и западном Тераи существует система долгового труда, известная как харва, камайя и т.д., а в восточном Тераи и окрестностях городских центров — система применения в земледелии сезонного наёмного труда. Система долгового труда, с помощью которой работники удерживаются под контролем как рабы и принуждаются к земельной работе, — давняя форма средневековой феодальной системы и с этой точки зрения она является наиболее примитивным и ретроградным трудовым отношением, существующим в непальском сельском хозяйстве. Хотя система наёмного труда имеет в основном капиталистический характер, однако в случае Непала её объём не только сравнительно очень мал, но и, если проанализировать глубже, в большинстве случаев трудно признать её прогрессивным капиталистическим отношением. Большинство из тех, кто работает на земле в рамках этой системы, делает это не с целью расширенного воспроизводства капитала в самом секторе сельского хозяйства, а или для выживания в малом масштабе или для вложения сельскохозяйственной прибыли в торговлю или финансы в городах. Таким образом, за ней не обнаруживается никакой существенной роли в развитии производительных сил в сельском хозяйстве. В целом, хотя в непальском сельском хозяйстве есть различные трудовые отношения, полуфеодальное отношение несомненно остаётся руководящим и определяющим отношением, как качественно, так и количественно. Должно быть ясно, что, хотя численно мелкие земледельцы-собственники находятся в большинстве, но поскольку они связаны различным экономическими и неэкономическими эксплуататорскими цепями лендлордов, ростовщиков и феодальных тиранов, они не «свободны» и вовсе не имеют независимого общественного положения, несмотря на внешнюю видимость, и вынуждены следовать законам господствующих полуфеодальных производственных отношений.

Помимо собственности на землю и трудовых отношений в процессе производства, характерная реакционная роль ростовщического капитала также способствовала тому, что непальское сельское хозяйство застряло в полуфеодальном состоянии и отстало в процессе развития. Крестьянам обычно нужны ссуды для потребления и производства. Получая непомерную выгоду от такого положения, феодальные ростовщики предоставляют крестьянам кредиты под высокие процентные ставки и деспотические условия; загоняя их в порочный круг задолженности, они навязывают полуфеодальную эксплуатацию через процент и выплаты трудовой повинности. Эта практика долгое время имеет место в сельских районах. В последнее время центр тяжести этой эксплуатации постепенно переместился от феодальных ростовщиков к торговым ростовщикам, что никоим образом не уменьшило угнетения крестьян количественно или качественно. Помимо этой традиционной формы ростовщического капитала, вот уже нескольких десятилетий империалистический финансовый капитал вошёл в сектор сельского хозяйства в форме бюрократического капитала при поддержке государства. Главное средство бюрократического капитала — Банк развития сельского хозяйства, вводящий империалистический финансовый капитал в отсталое непальское сельское хозяйство под высокие процентные ставки (19%). Это представляет 85% от так называемого институционального кредита. Однако, согласно недавнему исследованию сельских кредитов, проведённому Nepal Rastra Bank, даже теперь 80% сельского кредита находится под контролем традиционных ростовщиков, а институциональный бюрократический капитал смог урвать только долю в 20%. Согласно тому же источнику, более двух третей крестьян пойманы в долговую западню «традиционных» и «институциональных» ростовщиков и бедные крестьяне больше зависят от «традиционных» ростовщиков, которые выставляют в два (на практике, в три или четыре) раза большие процентные

ставки, чем «институциональные». Если проанализировать цели кредитов, предоставленных Банком развития сельского хозяйства, то можно заметить, что вместо вложения капитала в такие секторы, как ирригация и т.п., что способствовало бы развитию производительных сил, больше вкладывается в такие сектора, как «сельскохозяйственный маркетинг», что делает непальское сельское хозяйство лишь придатком мирового империализма. Таким образом, ясно, что в непальском сельском хозяйстве новые бюрократические капиталистические отношения наложились на старые полуфеодалские отношения, но вместо развития производительных сил в сельском хозяйстве привели только к их деформации и усилению зависимости.

Из-за отсталых полуфеодалских отношений в непальском сельском хозяйстве имеется, с одной стороны, широчайшая скрытая безработица и неполная занятость в результате вовлечённости избыточного труда в производительный труд, и с другой стороны, крупномасштабная сезонная или временная миграция рабочей силы из сельских районов в города и особенно в Индию, чтобы дополнить дефицитный доход от фермы внешним заработком, что увековечивает реакционный процесс воспроизводства отсталых полуфеодалских отношений. Согласно проведённому некоторое время назад исследованию Непальской комиссии по планированию, из общих трудодней в сельских районах почти 63% осталось не задействовано. В результате почти треть рабочей силы перетекла в Индию как сезонная или временная, чтобы дополнить доход от фермы. Существование этой широчайшей скрытой безработицы и неполной занятости является и причиной и следствием отсталого сельского хозяйства, и без перемещения этого крупномасштабного избыточного труда в иные секторы совершенно невозможно развить сельское хозяйство и всю экономику.

Начиная с 1950-х было предпринято много попыток реформ в непальском сельском хозяйстве без уничтожения основных классовых отношений или развития производительных сил, с сохранением существующих производственных отношений. После Второй Мировой войны и особенно после конца правления Раны в 1950-х и 1960-х при существующей государственной структуре предпринимались попытки осуществить постепенные «земельные реформы» без уничтожения старой феодальной структуры, чтобы облегчить проникновение империалистического финансового капитала. Кроме того, была предпринята попытка осуществить ориентированные на рост различные планы «развития» на основе модели «зелёной революции», предназначенные для вторжения в угнетённые страны третьего мира империалистических стран через Мировой банк и Международный валютный фонд. После краха этой модели и предчувствуя растущую угрозу крестьянской революции в угнетённых странах, в Непале реализовали также выдвинутые империалистами через Мировой банк в 1970-х программы, такие как «Программа развития мелких фермеров». После 1980-х наряду с империалистическим лозунгом «глобализации» и «либерализации» через государственный аппарат вновь были выдвинуты такая политика и программы как создание сельского хозяйства «ориентированного на экспорт» и «ориентированного на предпринимательство». Но такими заклинаниями невозможно улучшить или изменить экономику, угнетённую феодализмом и империализмом под руководством империалистов, феодалов и бюрократических капиталистов, и этого не случилось и в Непале. В результате в Непале сельскохозяйственная экономика отмечена цветущими пышным цветом бедностью, скрытой безработицей и неполной занятостью, очень низкой производительностью, снижением роста и общим застоём. Господствующие классы и их управляющие пытались прикрыть столь драматическое состояние сельскохозяйственной экономики, оправдываясь гористым рельефом, неблагоприятным климатом и т.п. Но правда совершенно противоположна, поскольку земля, вода, благоприятный климат и труд, необходимые для сельского хозяйства, редко где-то доступны в лучших условиях, чем в Непале. Таким образом, принципиальная цель и обоснование народной войны в Непале состоят в том, чтобы развить производительные силы в сельском хозяйстве и заложить фундамент для полного развития экономики, установив новые, прогрессивные производственные отношения после разрушения господствующих реакционных производственных отношений, поддерживаемых реакционным государством.

III.2. Спад промышленности и экспансия компрадорского и бюрократического капитала

Наиболее важная мерка экономического и общего развития общества — количество и качество индустриализации. Поскольку в отличие от сельского хозяйства, зависящего больше от естественных средств производства, в зависящей больше от искусственных средств производства промышленности технологический процесс может быть организован в крупном масштабе и более гибким образом и следовательно общее развитие общества ускоряется благодаря быстрому росту общественной производительности. Выше уровень развития общества — шире участие общей рабочей силы в промышленности и больше доля общественного продукта, даваемая промышленностью. Хотя возникновение и существование ремесленного производства как дополнение и часть сельского хозяйства наблюдаются ещё в первобытном обществе, однако подъём и развитие современной крупномасштабной фабричной промышленности произошло с подъёмом и развитием капиталистического общества. Исторически рождение индустриального капитализма сопровождалось несколькими сопутствующими процессами, а именно процессом первичного накопления капитала, происходящим от концентрации избыточного общественного продукта из старого феодального сельскохозяйственного сектора в качестве капитала в руках небольшого числа коммерсантов; процессом лишения мелких производителей старого феодального общества их средств производства и их превращения в свободных рабочих, продающих свою рабочую силу; и процессом производства средств потребления и производства как товаров, обращающихся на свободном рынке. Другими словами, индустриальному капитализму необходимо иметь соответствующий «класс капиталистов», вкладывающих капитал в процесс производства ради извлечения всё возрастающей прибыли, «класс свободных пролетариев», которые могут пойти и где угодно продать свою рабочую силу без каких-либо помех, и «свободный рынок», где можно продать товары к существованию и средства производства и купить необходимое для индустриального производства сырьё — в отличие от ограниченного рынка узкого верхнего класса, потребляющего только предметы роскоши. Если по каким-либо причинам одного или всех трёх из этих элементов недостаёт, то развитие индустриального капитализма невозможно. Напротив, рождение и развитие торгового капитала происходило с начала человеческого общества в ходе обмена товарами, вынуждаемого неравенством и разнообразием в производстве в различных сообществах. Подобно этому неравенство в производстве между различными производителями внутри одного и того же сообщества требовало временами кредитов и вело к рождению ростовщического капитала (или процентного капитала, который называется после рождения современных банков финансовым капиталом). Оба эти капитала не участвуют в процессе производства; однако, торговый капитал помогает в реализации стоимости капитала, доводя производимое до потребителей, и для этого узурпирует часть прибыли производительного капитала, а финансовый капитал узурпирует часть прибыли производительного капитала в форме процента за помощь в заблаговременном инвестировании. Именно поэтому, работая внутри капиталистического способа производства и под гегемонией промышленного капитала, торговый и финансовый капитал не имеют особенно много независимой силы, и играют прогрессивную роль в обществе. Но в докапиталистическом феодальном или полуфеодальном обществе они появляются как независимые игроки и прямо-таки как древоточцы, большой их размер означает более разрушительное и отрицательное влияние, которое они оказывают на развитие общества. После подъёма мирового империализма торговый капитал и ростовщический или финансовый капитал феодальных и полуфеодальных обществ третьего мира обратил себя в компрадорский и бюрократический капитал, играющий роль агента империалистического капитала. Его расширение играет вдвойне отрицательную роль в угнетённых нациях, с одной стороны, блокируя развитие свободного индустриального капитализма, а, с другой стороны, перемещая капитал третьего мира в мировые империалистические центры как сверхприбыли от торговли и проценты. На этом фоне было бы полезно проанализировать

упадок традиционных отраслей, чахлый рост национального промышленного капитала и расширение компрадорского и бюрократического капитала в Непале.

1.

Как упоминалось выше, до самого начала XX века состояние традиционной промышленности в Непале было весьма ободряющим, но когда из Британской Индии начали неограниченно импортироваться фабричные товары, местные отрасли стали постепенно вымирать. В ходе глобального империалистического экономического кризиса 1930-х и благодаря спросу, созданному Второй Мировой войной на промышленные товары, в 1936 г. были основаны Биратнагарские джутовые фабрики и это предвещало эру современного фабричного производства в Непале. Однако если рассмотреть развитие промышленности в Непале за прошедшие 60 лет, мы обнаружим, что она находится в состоянии непрерывного отставания и теперь роль промышленности в экономике страны весьма незначительна. Это доказывает тот факт, что доля всей рабочей силы, занятой в промышленности, и доля промышленности в валовом национальном продукте очень низка и что вместо роста она сокращается или испытывает застой. Напр., из всей занятой в различной хозяйственной деятельности рабочей силы процент занятых в промышленности составлял 2.19% в 1952/54 г., 1.32% — в 1971/72 г. и лишь 1.25% — в 1991/92 г. Также и из валового внутреннего производства процентная доля промышленного сектора была лишь 15.63% в 1964/65 г., 9.60% — в 1974/75 г., 6.01% — в 1984/85 г. и 10.33% — в 1994/95 г. (притом, что в развитых экономиках обе доли превышают 40%). Кроме малого и незначительного размера промышленного сектора в абсолютном измерении, на крайне отсталое и искажённое состояние непальской промышленности указывает её структура или тип использования и количество произведённых товаров. В Непале очень мало производится необходимых для общего развития экономики основных товаров (напр., цемента, электричества и т.д.), капитальных товаров (напр., сельскохозяйственного оборудования, машин и т.д.) и полуфабрикатов (напр., строительных материалов, нитей, бумаги и т.д.). Притом, что производство потребительских товаров и, главное, товаров непосредственного пользования (напр., продукты питания, ликёры, сигареты и т.д.) занимает весьма значительную долю всего производства (а также более 80% общих капиталовложений и более 60% общего количества предприятий и рабочих). В то время как среди товаров непосредственного пользования производство предметов роскоши (напр., пива, вина, сигарет, безалкогольных напитков и т.д.), потребляемых очень ограниченным верхним классом, на высоком уровне и растёт более быстрыми темпами, производство товаров к существованию, используемых большинством средних и нижних классов на низком уровне и не развивается. Напр., в 1994/95 г. производство пива и безалкогольных напитков («Кока-кола», «Пепси-кола») было таково, что их можно было бы распределить по литру на каждого жителя Непала, притом, что только один метр произведённой хлопковой ткани приходился на троих человек и только одна пара ботинок — на 30 человек. Помимо этого в течение последних десяти лет производство пива увеличилось в пять раз, а производство хлопковых тканей и ботинок упало втрое. Так же и отрасли, подходящие для быстрой прибыли и не имеющие никакой гарантии стабильности (напр., нержавеющая сталь в 1960-х, ковры и галантерейная промышленность в 1980-х), высыпали и исчезали мгновенно в сравнении с отраслями, основанными на местном сырье, труде и рынке, или которые имеют больше добавленной стоимости внутри страны. Те основные отрасли промышленности, которые были созданы внутри страны на государственном уровне с внешней помощью во времена международного конфликта холодной войны в десятилетии 1960-х, или находятся в жалком состоянии из-за невнимания и коррупции или распроданы по бросовой цене компрадорской буржуазии. Большинство отраслей закрывается или из-за нехватки сырья или потому что они не способны конкурировать с иностранными товарами и почти 50% отраслей использует менее 55% полной мощности. Даже после десятилетия 1980-х, когда была развёрнута пропагандированная кампания «либерализации» по указанию мирового империализма, многонациональные компании не вложили столько капитала, как ожидали господствующие классы. Вместо этого они, как обнаружилось, вкладывали капитал скорее в секторы, выгодные в основном с точки зрения быстрого и

большого возврата прибыли, такие как пиво, ликёры, безалкогольные напитки («Pepsi-sola», «Coca-sola»), гостиницы и т.д. Подобно этому растёт псевдоиндустрия, в которой собирают только импортированные части (напр., ТВ, радио и т.д.) или только приклеивают местные ярлыки. В целом, развитие национального промышленного капитала затормозилось и только искажённый и зависимый тип фальшивой и неукоренённой промышленности до некоторой степени развивается. Нетрудно понять причины отставания и упадка промышленности в Непале. Основной фактор этого, с одной стороны, существование в стране полуфеодалных отношений и отсталого сельского хозяйства и, с другой стороны, недостаток сопутствующего развития капитала, труда и рынка, необходимого для развития промышленного капитализма, из-за вмешательства империализма и экспансионизма.

Прежде всего, исторически в Непале, поскольку первичное накопление капитала из сельского хозяйства и торгового сектора было централизовано в руках крупных феодалов из господствующих классов и индийской компрадорской буржуазии и поскольку до сих пор продолжается их гегемония в экономике, развитие национального класса промышленных капиталистов было нарушено. Напр., впервые современное промышленное производство (на Биратнагарских джутовых фабриках) было начато в сотрудничестве индийца Марвари по имени Радха Кишен Чамариа и тогдашнего премьер-министра Раны, Джуддхи Шамшера, и даже сегодня в большинстве крупной промышленности и торговли сохраняются совместные инвестиции правящей семьи Рана-Шаха и Марвари. Этот компрадорский класс в полном соответствии с индийским экспансионизмом находит более плодотворным вкладывать капитал во внешнюю торговлю или работать в качестве агентов иностранного капитала, чем развивать национальный промышленный капитализм. Поскольку этот самый класс наслаждался пока покровительством государства, появление какого-либо иного независимого национального класса капиталистов было невозможно. Во-вторых, в стране не развился свободный трудящийся класс, поскольку рабочие-полупролетарии привязаны к отсталому полуфеодалному сельскому хозяйству, избыточный труд из сельских районов мигрирует в индийские города в качестве временных или сезонных рабочих, а трудящиеся из Индии заняты в промышленности внутри всей страны и в Тераи в частности. И в-третьих, из-за отсталого сельского хозяйства и распространённой сельской бедности не смог развиваться адекватный внутренний рынок для промышленно произведённых товаров и промышленного сырья; и имевшийся внутренний рынок был захвачен империализмом и экспансионизмом. Из-за чрезвычайного экономического неравенства в стране большинство людей не имеет покупательной способности и, таким образом, какое бы ограниченное число отраслей ни было открыто, они производят только предметы роскоши для потребления ограниченного круга богатых, а так как они также имеют ограничения для расширения, эти отрасли не могут процветать. Что до иностранного рынка, с одной стороны, из-за низкой производительности непальская промышленность не может легко вступать в конкуренцию, а, с другой стороны, индийские экспансионисты не предоставляют доступа на индийский рынок, устанавливая бесчисленные препятствия торговле и транзиту, а также блокируют доступ к рынкам третьих стран. Таким образом, в рамках существующих в Непале внутренних и внешних классовых отношений и структуры невозможно развить национальный промышленный капитал и индустриализировать страну, что доказано пустотой и полным крахом лозунга индустриализации страны в течение последних 60 лет.

2.

По контрасту с упадком и торможением занятого в производстве внутри страны национального промышленного капитала расширение торгового, ростовщического или финансового капитала, занятого только в распределении и облегчающего утечку национального капитала в зарубежные страны через коммерческую прибыль или проценты, шло в последние десятилетия с высокими темпами в форме компрадорского и бюрократического капитала. Хотя абсолютный размер торгового и финансового капитала в обществе, находящемся во власти отсталого полуфеодалного сельского хозяйства и потребительского хозяйства, пока ещё не существенен, темпы их расширения были высоки

и стали в последнее время ещё выше. Напр., из рабочей силы, занятой в различных экономических секторах, занятые в торговле и «секторе услуг» (хотя в «сектор услуг» включены не только финансовые операции, но и другие социальные службы) составили 4.51% в 1952/54 гг., 4.97% — в 1970/71 г. и 8.32% — в 1990/91 г. Также и в общем национальном производстве доля торговли и сектора услуг составляла 12.81% в 1964/65 г., 14.34% — в 1974/75, 27.23% — в 1984/85 г. и 31.38% — в 1994/95 г. Более высокий темп роста после десятилетия 1980-х может быть связан с так называемой политикой «либерализации», и нетрудно постичь в основном иностранно-вдохновлённый и реакционный характер этого роста.

Посмотрим на состояние торгового капитала в Непале: хотя его история очень стара, размер и влияние не были особенно велики в масштабах всей экономики. Но главная особенность торгового капитала в Непале заключается в том, что с самого начала его роль была больше во внешней торговле, чем во внутренней. Следовательно, не будучи связан с процессом производства внутри страны, он превращался в компраторский капитал вместо исторического превращения в национальный промышленный капитал. Главная причина этого — то, что Непал располагается на торговом маршруте между Тибетом и северной Индией и, таким образом, транзитная торговля преобладала здесь с самого начала; после открытия дороги в Тибет через Сикким в начале XX века и после наводнения непальских рынков индийскими фабричными товарами торговый капитал Непала переплелся с непало-индийской торговлей. Даже теперь размер внутренней торговли в стране мал, поскольку лишь около 30% сельскохозяйственного производства идёт на рынок; согласно проведённому некоторое время назад обследованию, в стране осуществляется внутренняя торговля только на 15 рупий на человека в месяц. По контрасту, объём внешней торговли, и притом в основном импортной, интенсивно возрос. В 1964/65 г. доля внешней торговли в валовом национальном продукте была 16.75% (в т.ч. на импорт приходилось 11.32%), в 1994/95 г. эта доля выросла в два с половиной раза и достигла 40.13% (из которых импорт составил 31.52%). Также и около трети годовых бюджетных доходов поступает из внешней торговли и притом главным образом от импортных тарифов, а если учесть налог с оборота, около 60% доходов государственного бюджета зависят от торгового сектора. Из этого ясно, что нынешнее государство находится во всё большей зависимости от торгового капитала и что само государство ответственно за расширение бюрократического капитала. Хотя туризм, расцениваемый как один из главных источников иностранной валюты, называется «сферой услуг», поскольку большинство используемых в нём материалов импортируется из зарубежных стран и 50% общего дохода возвращается в зарубежные страны, нынешнюю форму туризма следует рассматривать только как составную часть бюрократического капитализма.

В целом, если проанализировать структуру непальского торгового капитала, нет сомнений, что его характер — компраторский, поскольку он главным образом помогает в реализации стоимости иностранного капитала, продавая индустриальные товары империалистов и экспансионистов. Также так как он остаётся «независим» от процесса производства внутри страны и помогает в утечке внутреннего капитала в зарубежные страны в форме коммерческой прибыли, ясно, что его расширение имеет отрицательный и разрушительный эффект для развития национальной экономики. Так как исторически индийские торговцы и феодалы-землевладельцы Непала имели монополию на непальский торговый капитал (напр., 75% оптовой торговли Катманду и Тераи находится в их руках, все главные туристские гостиницы имеют совместные инвестиции от семьи Рана-Шах и индийцев и т.д.). Торговый капитал вместо объединения с внутренним процессом производства концентрируется во внешней торговле, внешняя торговля ограничена удовлетворением спроса на потребительские товары со стороны горстки богатейших классов и т.д., непальский торговый капитал превратился в компраторский капитал вместо развития в национальный промышленный капитал. Следовательно, не исправив этот процесс через уничтожение компраторского капитала и возвращение национального капитала, невозможно развить экономику страны.

Что касается финансового капитала, взимающий высокие проценты и другие платы за услуги ростовщический капитал издавна был традиционен и даже теперь он имеет

широкую сеть в сельских районах. Рождение организованного по-современному финансового капитала, однако, имело место только после учреждения в 1937 г. общества с ограниченной ответственностью Непальский банк. Однако до десятилетия 1960-х, с одной стороны, иностранная валюта была под контролем Резервного банка Индии, притом что, с другой стороны, внутри главным источником всех кредитов был капитал обособленных ростовщиков. После учреждения различных финансовых компаний (напр., Непальская индустриальная корпорация развития, Банк развития сельского хозяйства и т.д.) и коммерческих банков под эгидой государственных и иностранных капиталовложений в конце 1950-х и в десятилетие 1960-х расширение бюрократического капитала в форме финансового капитала пошло нарастающими темпами. В 1960-х совокупные активы всех финансовых компаний были в размере только 14% валового национального продукта, но в 1990-х они увеличились до примерно 50%. После 1980-х в страну начали входить иностранные банки и за последние два года были основаны восемь иностранных банков. Наряду с этим совокупные активы коммерческих банков увеличились почти вдесятеро, с 7.7 млрд. рупий до 75.99 млрд. рупий. Однако если исследовать структуру этого быстро возрастающего финансового капитала, нетрудно будет различить его реакционный характер. Прежде всего, феодально-землевладельцы и торговые компрадорские капиталисты вместо вложения капитала в ориентированные на производство индустриальные предприятия вкладывают свои излишки от сельского хозяйства и прибыли от торговли в эту новую форму ростовщичества, где выше процент и можно добиться быстрого возврата. Это задерживает развитие сельского хозяйства и промышленности. Во-вторых, так как большинство (около 50%) инвестиций, сделанных этими финансовыми учреждениями, размещено в торговле и в потребительских кредитах и меньшая часть в производительных секторах сельского хозяйства и промышленности, это будет иметь отрицательное воздействие на долгосрочное развитие экономики. В-третьих, поскольку эти финансовые учреждения — в основном придатки империалистического финансового капитала, через них будет утекать капитал страны, и таким образом это сорвет развитие промышленного капитала в стране. Сам факт, что существующий высокий темп расширения финансового капитала не имеет никакой положительной корреляции с развитием сельского хозяйства и промышленности в стране, окончательно доказывает реакционный характер этого финансового капитала.

Ещё один пример проникновения империалистического финансового капитала и его разрушительных действий в форме бюрократического капитала — так называемая иностранная помощь. После 1950-х, когда именем иностранной помощи началось проникновение империалистического и экспансионистского финансового капитала, её объём в последующих десятилетиях расширился и наряду с этим увеличились также общий иностранный долг и зависимость страны. В результате она запуталась в порочном круге долговой западни, нуждаясь в дальнейших иностранных ссудах для выплаты иностранного долга. В 1970/71 г. внешний долг на душу населения составлял 15 рупий, но после 25 лет «развития», т.е. к 1994/95 г., он вырос в 400 раз, более чем до 6000 рупий и четверть годовых доходов бюджета должно было тратиться на обслуживание внешнего долга. Кроме того, увеличение внешней зависимости страны демонстрируется тем фактом, что, если в 1975/76 г. 40.8% всего «бюджета развития» зависело от иностранного займа и помощи, в 1994/95 г. эта зависимость увеличилась до 61.60%. Основная цель иностранной ссуды, помимо получения процентов, состояла в расширении империалистических и экспансионистских рынков. Это доказано тем фактом, что за последние 40 лет 60% «иностранной помощи» использовалось в области транспорта и связи. Кроме того, в соответствии с империалистическим планом ограничения разгорающегося кризиса в угнетённых нациях после 1970-х от развития в революционные перевороты, в Непале миллиарды рупий были закачаны в сельские районы от имени НПО.

Таким образом, чтобы развить национальный промышленный капитал через уничтожение компрадорского и бюрократического капитала и проложить путь самостоятельного развития через разрыв с зависимостью, неизбежными стали революционное преобразование общества и процесс народной войны.

III.3. Региональное неравенство и национальный вопрос

Социальные процессы протекают в географическом пространстве. Следовательно, общественное разделение труда проявляется в географическом разделении труда. В истории разделение между городом и деревней появилось вместе с общественным разделением труда. Именно поэтому с историческим процессом развития общества продвигается и процесс организации или преобразования географического пространства. Иначе говоря, в соответствии с системой производства, распределения и потребления товаров в данном обществе оформляется и структура человеческих поселений, системы транспорта и связи, общая региональная структура. В докапиталистических обществах, особенно при феодальном способе производства, основанных, прежде всего, на сельском хозяйстве (земля, основное средство производства, не может быть перемещена с одного места в другое), и в которых рыночный обмен играет незначительную роль, имеется крайне низкая дифференциация географических регионов. Там существует немного городов в качестве военных фортов или политико-административных центров и центров потребления микроскопических паразитных классов общества, а остальные производительные классы народа живут в широко рассеянных маленьких сёлах или деревнях. В результате для феодального общества характерна монополярная региональная структура, отмеченная большой столицей в центре и однородными маленькими сёлами вокруг. Только после появления капиталистического способа производства крупные современные города развились как центры производства, распределения и потребления и в региональной структуре произошли беспрецедентные перемены. Вместе с этим имеет место широкое региональное неравенство и неравное развитие как географическое проявление общественного неравенства, вытекающего из свойственного капитализму процесса централизации и тенденции монополизации. Региональная структура феодального или полуфеодального общества, привязанного колониальными или полуколониальными отношениями к международному монополистическому капитализму (т.е. империализму), подобна гибриду феодальной и капиталистической структуры. Иначе говоря, с одной стороны, обширная сельская глубинка находится на отсталом сельском этапе, в то время как, с другой стороны, существуют в ограниченном количестве городские центры и островки ориентированного вовне «развития», накапливающие общественный избыточный продукт из отсталых регионов, передающие его зарубежным странам и импортирующие иностранные продукты для распределения по всей стране. Это состояние неравного развития производит среди угнетённых и отсталых регионов сознание региональной идентичности и автономии или независимости, что, как правило, оформляется как национальный вопрос. Поскольку население отсталых и угнетённых регионов часто является коренным, там, где имеется стечение общих территории, языка, хозяйства и культуры, такое региональное угнетение проявляется как национальное угнетение и таким образом региональные и национальные вопросы неразделимо переплетаются друг с другом. Это региональное неравное развитие — главная причина обострения национального вопроса после появления капитализма и империализма. В этом самом свете мы должны понимать региональный и национальный вопросы в Непале, находящемся в стадии перехода от феодализма к капитализму.

Даже сейчас в Непале 90% всего населения живёт в сельских районах и только 10% — в городах. Это — несомненное проявление низкого уровня географического разделения труда, соответствующего низкому уровню общественного разделения труда полуфеодального общества, основанного на сельском хозяйстве (притом, что в развитых обществах 80-90% населения живёт в городах и только около 10-20% — в деревне). В 1953/54 г. городское население в Непале составляло 3%, а 40 лет спустя достигло 10%, что ни по какому счёту не существенно. Однако процесс урбанизации и образ развития систем транспорта и связи за последние 40 лет указывает на некоторые важные перемены в Непале. В 1952/54 г. из десяти городских центров, имеющих более 5000 населения, пять были в долине Катманду и пять в Тераи, а в разрезе распределения городского населения на долину Катманду приходилось 83%, а на Тераи — 17%. Если посмотреть на историю до

учреждения некоторых торговых центров в Тераи вследствие продления до терайской границы Непала индийских железных дорог к концу XIX века, то поселениями, которые можно было бы назвать городскими центрами, были только Катманду, Лалитпур и Бхактапур, так что всё городское население Непала сосредотачивалось в пределах долины Катманду. Эта структура город-село и их распределение совершенно соответствуют монополярной структуре феодального общества. Однако из 33 поселений, официально обозначенных как «городской центр» в форме муниципалитетов в 1991 г., 3 находятся в долине Катманду, 22 — в Тераи и 8 — в горных регионах, а распределение городского населения в них — 35%, 53% и 12% соответственно. Таким образом, понятно, что, когда после 1950-х непальская экономика всё более спутывалась с империализмом и экспансионизмом, в качестве его физического проявления по границе с Индией высыпали «городские» центры и вся региональная структура Непала начала переориентироваться вовне. Однако прежнее первенство долины Катманду как основного региона сохранилось, хоть и в слегка уменьшенной степени. Такое состояние дополнительно доказывается фактом, что дорожный и авиационный транспортные потоки и системы связи главным образом ориентированы на Катманду, а затем на города в Тераи, и что из общего автотранспортного движения в стране на входящее в долину Катманду или выходящее из неё приходится 40%. Такая монополярная и ориентированная вовне региональная структура отражает полуфеодалную и полукOLONиальную социальную структуру и процесс неравного и искажённого развития в стране.

Если проанализировать состояние и темпы развития главных географических регионов страны, то можно увидеть очень тревожную картину совершенной отсталости, с одной стороны, и всё более неравное и искажённое развитие, с другой. Физически Непал можно разделить на Гималаи, предгорья и равнины Тераи (включая внутренний Тераи) с севера на юг; на Коши, Гандаки и водоразделы Карнали с востока на запад; и расположенную в середине предгорий долину Катманду как отдельный регион благодаря её особенному историческому развитию. Оставляя в стороне доисторический период, если пронаблюдать историю последних трёх тысячелетий, обнаружится, что посередине проходящего с востока на запад хребта центрального предгорья была главная зона поселения, и долина Катманду была наиболее развитой областью. Только с конца XIX века, когда произошло массовое сведение лесов Тераи (поскольку экономическая ценность древесины и плодородной земли Тераи выросли с проведением индийских железных дорог до границы), а также после уничтожения малярии в 1950-х, начался рост поселений в Тераи. Среди предгорий до учреждения централизованного государства уровень развития был повсюду почти одинаков; однако впоследствии регион Гандаки в центре стал более развит, поскольку был ближе к местоположению центрального правительства и из него происходила основная масса военной и гражданской бюрократии, а, кроме того, он изобилует плато и речными бассейнами, благоприятными для сельского хозяйства в сравнении с регионами Коси и Карнали, удалёнными от цитадели центрального правительства. Факт, что перед 1950-ми 60% всего населения страны жило в горной местности (включая Гималаи), 5% — в долине Катманду и 35% — в Тераи, ясно указывает, что предгорья были до того времени главной зоной поселения. Однако к 1990-м структура распределения населения в различных регионах изменилась: 42% приходилось на предгорья, 11% — на долину Катманду и 47% — на Тераи. В контексте длительного базирования экономики на сельском хозяйстве и отсутствия где бы то ни было существенного уровня индустриализации ясно, что это перемещение населения — не вертикальное перемещение между экономическими секторами (т.е. из сельского хозяйства в промышленность, что исторически прогрессивно), а просто горизонтальное перемещение между географическими территориями (т.е. из сельского хозяйства в сельское хозяйство). Таким образом, перемещение из сельского хозяйства предгорий в сельское хозяйство Тераи не решит проблему в долгосрочной перспективе, а переместит её из одного места в другое и лишь отложит на некоторое время. Это на самом деле ещё больше затормозит развитие региона предгорий, составляющего обширное территориальное пространство (79% всей площади). Что касается нарастающей тенденции перемещения в основной регион долины Катманду, она до некоторой степени обязана доступности несельскохозяйственных возможностей занятости и главным образом бегству от бедствий

крестьян-полупролетариев как «неофициальных беженцев». Вместе с этим из-за централизации почти всего экономического и социального обеспечения, включая центральную администрацию и материальные средства в долине, сельские феодалы и нувориши со всей страны стекаются в Катманду, чтобы вложить свои сельскохозяйственные излишки в финансовые и коммерческие предприятия или в бизнес недвижимости. Некоторый показатель того, как капитал со всей страны сливается в Катманду и что этот город потребляет основную долю «развития», обеспечивают следующие данные: 60% вкладов и 50% кредитов коммерческих банков сосредоточено в Катманду; треть внутренней торговли страны происходит в Катманду; 69% инвестиций в туристские гостиницы делается в Катманду; 60% автомобилей в стране зарегистрированы в Катманду; 60% промышленности в стране расположены в Катманду и окрестностях, и т.д. Напротив, предгорья и большинство сельских районов лишены основных материальных инфраструктур вроде дорог, водоснабжения, электричества и т.д. и социального обеспечения вроде образования, здравоохранения и т.д. При построении для районов индекса развития, складывающегося из показателей сельского хозяйства, промышленности, финансов, соцобеспечения, развития материальной инфраструктуры, заметно, что сначала идут районы долины Катманду (Катманду, Лалитпур и Бхактапур); затем идут дальние восточные районы Тераи (Моранг, Сунсари и Джхапа); третьими идут такие районы, как Парса, Каски, Банке, Читван и т.д., с крупными городскими центрами; четвертыми идут остальные районы Тераи; горные и предгорные же районы стоят в самом низу. Даже среди районов в горах и предгорьях районы водораздела Карнали наименее развиты. Таким образом, наряду с общей отсталостью и низким уровнем развития всей страны, в рамках нынешнего полуфеодального и полуколониального распределения растёт неравенство между регионами и без исправления этого процесса монополярного и ориентированного вовне развития региональное неравенство в будущем определённо ещё более обострится.

Угнетённые регионы внутри страны — это прежде всего регионы, в которых с незапамятных времён живёт коренное население. Эти регионы с преобладанием коренного населения, которые были независимыми племенными государствами до формирования централизованного государства во второй половине XVIII века, опустилось до нынешнего наиболее отсталого и угнетённого состояния из-за внутренней феодальной эксплуатации и внешнего полуколониального угнетения. Оно было оставлено позади исторического процесса развития преграждением ему пути независимого развития и навязыванием ему при поддержке государства как экономического, так и социокультурного угнетения пришедшими извне силами. Так что, вполне естественно, что вопрос регионального угнетения восточных, центральных и западных горных регионов с преобладанием монголов или Внутреннего Тераи и регионов Тераи с преобладанием южнодравидов проявляется в форме национального гнёта. Региональный и национальный вопросы переплелись здесь друг с другом. Кроме того, проблема региона западного Карнали с преобладанием кхасов может возникать как региональный, а не как национальный вопрос, и им нужно будет заниматься соответственно. Таким образом, в соответствии с конкретной ситуацией необходимо решить проблему угнетённых регионов и наций, предоставив им региональную и национальную автономию.

IV. Экономическая политика, программа и процесс новодемократической революции.

Из вышеприведённого анализа состояния и направления социального и регионального развития ясно, что главное препятствие для развития общественных производительных сил составляют внутренние и внешние классовые отношения, или общественные производственные отношения при преобладании полуфеодального и полуколониального распределения. А значит, невозможно исторически продвинуть вперёд непальское общество только через реформы или изменения только в надстройке и не затрагивая основы старого общества. Исторической потребностью стало установление нового вида ориентированной на социализм капиталистической, или новодемократической, системы производства через уничтожение старого полуфеодального способа производства, прикованного к империализму и экспансионизму. Говоря яснее, история вынуждена попросить феодальные, компрадорские и бюрократические капиталистические классы, препятствующие развитию общества, с арены непальской истории и вручить ответственность организации новой и высшей формы общественной системы (новодемократической системы) новым прогрессивным классам (рабочим, крестьянам, мелким буржуа и национальным буржуа). Народная война — неизбежный инструмент этого исторического новодемократического революционного преобразования. Народная война, ведомая под руководством Коммунистической партии Непала (маоистской) и с участием всех прогрессивных классов общества, нацелена на строительство новодемократических основ после разрушения основ старого полуфеодального и полуколониального общества и, в конечном счёте, на создание общества без классов и эксплуатации. Политика экономического развития, программа и образ такой новодемократической революции могут быть представлены ниже.

IV.1. Политика экономического развития.

Главными направлениями политики экономического развития новодемократической революции в Непале будут следующие:

А. Революционная смена производственных отношений

Главным направлением экономической политики новодемократической революции в Непале должна быть смена старых производственных отношений для развития производительных сил и придания быстрее темпов развитию общества вообще. Хотя между производственными отношениями и производительными силами существует обоюдная взаимосвязь, и любая перемена одних воздействует на другие, на нынешней исторической стадии непальского общества реакционные полуфеодальные и полуколониальные отношения стали главным препятствием развитию новой и высшей формы капиталистического способа производства. В такой ситуации попытки сделать ударение только на производительных силах (или капитале и технологии, и притом иностранных!), не затрагивая старые производственные отношения, не просто были бы совершенно реакционны, но и на практике уже оказались провальными. Таким образом, главным направлением политики революции должна быть конфискация находящихся в руках реакционных классов средств производства, главным образом находящейся в руках феодалов земли и находящегося в руках компрадорских и бюрократических капиталистических классов капитала, с последующей передачей их прогрессивным силам (рабочим, крестьянам, мелкой буржуазии и национальной буржуазии) и организация по-новому способа производства. Революционное преобразование отсталой экономики, такой как непальская, возможно только через освобождение революционной инициативы большинства трудящихся и прогрессивных масс. Поэтому можно сказать, что лозунг «Овладеть революцией, развивать производство», выдвинутый великим Мао, был бы уместен и в Непале. Однако из-за отсталого полуфеодального состояния и крайне низкого уровня развития производительных сил в Непале основной формой новых производственных отношений вначале был бы не социализм, а форма капиталистического

типа и только после прохождения переходной стадии было бы проведено это социалистическое преобразование. На новодемократической стадии крупные базовые производства и финансовые компании были бы в общественной собственности государства, некоторые из крупных производств принадлежали бы совместно государству и частным лицам, а в сельском хозяйстве, наибольшем секторе экономики, будет существовать частная собственность крестьян, в мелкой и средней промышленности и торговле — собственность промышленников и торговцев.

Б. Независимое и самостоятельное развитие

Другим принципиальным направлением новодемократической экономической политики было бы независимое и самостоятельное развитие, свободное от угнетения и эксплуатации со стороны империализма и экспансионизма. Развитие страны невозможно без высвобождения из силков империализма и экспансионизма, ибо процесс отставания Непала усугубился после того, как он был спутан неравными и эксплуататорскими отношениями с мировым империализмом и особенно с индийским экспансионизмом, и в настоящее время он находится в западне невозместимого иностранного долга и невыносимого торгового дефицита, всеобщей зависимости и разграбления иностранными капиталистами и многонациональными компаниями. Значит, вместо нынешней ориентированной вовне и зависимой политики развития проводилась бы ориентированная вовнутрь и самостоятельная политика развития, полагающаяся на собственные природные ресурсы, капитал, труд, технологии и рынок. Это вовсе не означает, что не было бы никаких экономических связей с зарубежными странами или никакого использования современной науки и техники, как ошибочно предполагают империалисты и их агенты. Проводилась бы политика поддержки торговли и других отношений со всеми на основе равенства, взаимной выгоды и национальных потребностей и использования по возможности современных технологий. Однако её жизнеспособность на практике зависела бы от политики зарубежных сил в отношении революционного государства.

В. Плановое развитие

Другим важным направлением политики было бы плановое развитие экономики через научную оценку доступных и потенциальных ресурсов страны, материальных и культурных потребностей общества. В настоящее время преобладает тенденция производства и распределения товаров анархическим образом с целью извлечения прибыли для немногих монополистических капиталистов и на неограниченный рынок под контролем империалистов и экспансионистов во имя так называемого открытого рынка или ради расточительного потребления ограниченного высшего класса общества. Из-за этого, с одной стороны, происходит растрата впустую большей части производительных орудий и ресурсов общества, а с другой, большинство общества лишено удовлетворения даже минимума основных жизненных нужд. Таким образом, правильно и с точки зрения экономической логики и общественной полезности организовать экономику научным и плановым образом в соответствии с потребностями общества, по контрасту с этим анархическим, расточительным и бесчеловечным способом производства. Однако, говоря о плановом развитии, следует воздержаться от тенденции ссылаться на отрицательный опыт бывшего Советского Союза (особенно после 1956 г.) и представления о командной экономике. Здесь плановое развитие означает создание действительно ориентированной на массы и эффективной экономики, функционирующей при централизованном руководстве и децентрализованной инициативе и управлении, что в значительной степени было осуществлено в Китае во времена Мао.

Г. Сбалансированное развитие

Ещё одним важным направлением экономической политики новодемократической революции было осуществление сбалансированного развития как в экономическом, так и в географическом отношении, через поддержание правильного баланса и гармонии между деревней и городом, между регионом предгорий и Тераи, между сельским хозяйством и

промышленностью, между мелким ремесленничеством и крупной современной промышленностью и т.д. В настоящее время неравенство и дисбаланс между различными экономическими и географическими регионами нарастают. Сбалансированного развития в стране удастся добиться, положив конец докапиталистической и бюрократически-капиталистической монополии в экономике, предоставив национальную и региональную автономию угнетённым народам и регионам и географическим регионам, и проводя всестороннюю запланированную стратегию развития. Главная стратегия сбалансированного развития основывалась бы на рассмотрении промышленности как ведущего сектора и сельского хозяйства как основы развития экономики, и, в контексте регионального развития, на проведении политики «урбанизации села», а не «одеревнивания» городов.

IV.2. Программа экономическая развития

Для исправления серьёзных экономических искажений и проблем, распространённых в стране, в ходе новодемократической революции и по её завершении следует провести следующие экономические программы со всей искренностью и в масштабах национальной кампании в соответствии со сформулированной выше основной политикой.

А. Революционные земельные реформы

В полуфеодальной сельскохозяйственной стране вроде Непала новодемократическая революция означает в основном аграрную революцию. Поэтому революционная земельная реформа — крупнейшая и важнейшая экономическая программа новодемократической революции. Основные цели такой земельной реформы:

1. обеспечить максимальное использование производительной способности большинства крестьян и ускорить развитие общественных производительных сил, сделав безземельных крестьян владельцами земли и предоставив бедным крестьянам адекватные средства производства (землю, кредит и т.д.);
2. увеличить общественное производство, обеспечив максимальное использование растрчиваемых или недоиспользуемых средств производства (земля, денежный капитал и т.д.), принадлежащих феодалам;
3. обеспечить капитал и сырьё для индустриализации страны, увеличив сельскохозяйственное производство и разносторонне развив сельское хозяйство;
4. обеспечить адекватный внутренний рынок для промышленности, обогатив крестьян, составляющих большинство населения страны; и т.д.

Основная стратегия земельной реформы состояла бы во введении капиталистических отношений через полное уничтожение феодальных, полуфеодальных и бюрократически-капиталистических отношений, распространённых в сельском хозяйстве. Она основывалась бы прежде всего на политике «земля — земледельцу». Иначе говоря, земля тех феодалов (а также *гутхи*), кто не вкладывает в неё свой труд или капитал, была бы конфискована без компенсации и распределена между безземельными и бедными крестьянами, и земледельцы были бы сделаны владельцами земли. Однако, земля, принадлежащая средним или богатым крестьянам (которые, возможно, сдали свою землю другим по разным причинам) не будет конфискована, а будет установлен и проведён потолок для землевладения, права аренды и ставки арендной платы. Кроме того, долги всех видов, лежащие на безземельных и бедных крестьянах, были бы полностью аннулированы, а трудовые повинности и другие формы навязанной им оплаты — отменены. Чтобы увеличить производство и производительность сельского хозяйства и защитить отсталый сельскохозяйственный сектор от конкуренции со стороны индустриальных, коммерческих и финансовых секторов, фермерам была бы обеспечена установленная помощь в виде ирригации и нововведений (напр., удобрений, семян, пестицидов, машин, орудий и т.д.), кредитов и рынка, а чтобы обеспечить надлежащую цену на сельскохозяйственные продукты, на государственном уровне осуществлялась бы необходимая денежно-кредитная и ценовая политика.

Проведение земельных реформ было бы наиважнейшим, научным и революционным процессом. Невозможно осуществить революционную программу земельной реформы, не сделав крестьян сознательными и организованными, поскольку они подвергаются угнетению и эксплуатации с незапамятных времён и очень отсталые в культурном отношении. Поэтому необходимо было бы организовать сотрудничество, начиная с местных крестьянских союзов, и мобилизовать все крестьянские массы для подготовки документов о землевладении, установления классового статуса крестьян (т.е., безземельные, бедные, средние, богатые крестьяне и феодалы) и их роли в деревне, идентификации фактических земледельцев и осуществления земельных реформ на уровне деревень. Кроме того, программа земельной реформы была бы реализована постепенно (т.е. с точки зрения социальных классов и географических регионов!) и при полном учёте местной специфики. В этом процессе максимум внимания был бы направлен на то, чтобы избежать как «левых», так и «правых» ошибок. Особое внимание было бы направлено при осуществлении программы земельной реформы на то, чтобы мобилизовать 70% безземельных и бедных крестьян на активную поддержку революционных земельных реформ, привлечь 25% средних и богатых крестьян на сторону земельных реформ или не дать им идти против программы, и строго выполнять программу земельной реформы против 5% феодалов и бюрократических капиталистов. Из 2.6 млн. га пригодной для возделывания земли, доступной в настоящее время в стране, если конфисковать только минимальные 40% земли, принадлежащие 5% феодалов и бюрократических капиталистов, то избыточная земля составит 1.0 млн. га. Если распределить её между 70% безземельных и бедных крестьянских семей, то на семью придётся более 0.5 га, а если распределить её между 44% безземельных и полупролетариев (т.е. имеющих менее 0.5 га), то каждому из них можно будет дать почти один гектар. Кроме того, в настоящее время только 0.25 млн. га земли имеют постоянные средства орошения, притом что, согласно оценке специалистов, орошаться могут 1.4 млн. га. Если мобилизовать доступный огромный избыточный труд для проведения средств ирригации ещё к 1.15 млн. га, то даже в рамках нынешнего технического уровня производства сельскохозяйственное производство может быть увеличено во много раз. А значит, нет сомнений, что в нашей стране решительный переворот в секторе сельского хозяйства и во всей экономике можно вызвать через революционные земельные реформы.

Б. Национальная индустриализация

Ещё одной важной экономической программой новодемократической революции было бы проведение индустриализации страны быстрыми темпами, выдвиганием промышленности на ведущее место в экономике. Основной целью индустриализации было бы:

1. увеличить всё общественное производство, производительность труда и всей экономики, вводя застрявший в отсталом полуфеодальном секторе сельского хозяйства избыточный труд в производительное использование;
2. проложить путь для развития высшего способа производства (т.е. капиталистического и социалистического способа производства) в сельском хозяйстве и, в конечном счёте, во всей экономике, производя необходимые средства производства для сельскохозяйственного сектора, обеспечивая рынки для сельскохозяйственных продуктов и обеспечивая производительную занятость избыточного труда в сельскохозяйственном секторе;
3. предотвратить утечку капитала из страны и положить конец зависимости, производя необходимые средства производства, основные товары, промежуточные товары и потребительские товары;
4. развить экспорт, производя товары, в отношении которых имеется сравнительное преимущество в международном разделении труда;
5. обслуживать высшие материальные и культурные потребности общества; и т.д.

Координация капитала, труда и рынка, необходимая для национальной индустриализации будет осуществлена прежде всего через процесс революционного

преобразования нынешнего общества. Для первичного накопления капитала капитал, происходящий из сектора сельского хозяйства и без пользы оседающий в руках феодалов, уходящий на расточительное потребление или находящийся в обращении в ростовщических целях, и капитал в руках крупных компрадорских и бюрократических капиталистов был бы конфискован и помещён под государственный контроль. Кроме того, защита и поддержка были бы предоставлены мелким и надомным производителям в широком объёме, мелким и средним торговцам и капиталу национальной буржуазии в узком объёме, и было бы развито максимальное накопление капитала в секторе сельского хозяйства и его инвестирование в промышленность. В конечном счёте, именно сельскохозяйственный сектор был бы главным источником капитала для индустриализации. Кроме того, главное ударение делалось бы на трудоёмкой индустриализации, ибо в стране ещё долго будет иметься недостаток капитала и излишек труда. Особое внимание уделялось бы развитию и применению местных технологий. Главное усилие было бы приложено к использованию огромного гидроэнергетического потенциала страны через малые гидроэлектрические проекты для поставки необходимой индустриальной энергии и обеспечения самостоятельного, свободного от загрязнений, устойчивого развития. С самого начала адекватное внимание уделялось бы первичному и среднему техническому образованию для производства квалифицированных трудовых и технических человеческих ресурсов, которые будут всё более необходимы по мере процесса индустриализации. Что до рынка сырья и готовых изделий, прежде всего, проводилась бы политика опоры на внутренний рынок. С одной стороны, обеспечивалась бы поставка сырья через расширение производства лекарственных трав, животноводства, садоводства, производство товарных культур, обработка минералов и т.д., с использованием всех выгод географического разнообразия, а с другой стороны, будет создан необходимый рынок для индустриальных продуктов через устранение нынешнего социально-экономического неравенства и расширение покупательной способности масс. Таким образом, создание большого рынка средств к существованию и средств производства для масс вместо нынешнего узкого рынка товаров роскоши, предназначенных только для ограниченного высшего класса, ускорило бы процесс индустриализации. Также государством были бы предприняты специальные меры, напр., отмена неравных соглашений, контроль над открытой границей, осуществление правильной тарифно-финансовой политики, чтобы защитить национальную промышленность от вмешательства и господства мирового империализма и особенно индийского экспансионизма.

Очевидно, что государство должно было бы сыграть особую роль в процессе индустриализации Непала ввиду царящих в стране полупфеодальных и полуколониальных условий и крайне отсталого состояния производительных сил. Однако индустриализация на новодемократической стадии имела бы скорее капиталистический, чем социалистический характер. Государство обеспечило бы руководство общей индустриализацией посредством удержания в собственности основных промышленных предприятий и финансовых учреждений и через центральное планирование и финансовую политику. С другой стороны, была бы частная собственность и инициатива на других современных предприятиях, в мелких и надомных промыслах, мелкой и средней торговле. Таким образом, только освободившись от империалистического и экспансионистского угнетения под руководством прогрессивного государства, в Непале можно развить индустриальный капитализм и подготовить основу для строительства высшего общества.

В. Региональный баланс и комплексное развитие

Ещё одним важным направлением политики развития и программы новодемократической революции была бы координация экономического развития с региональным развитием с самого начала и обеспечение сбалансированного и комплексного развития по всей стране. Основная стратегия была бы следующей:

1. ускорять темпы общественного развития, максимально используя производительные потенциалы различных географических регионов;

2. делать экономику самостоятельной и защищать её от угрозы внешнего вмешательства и угнетения через децентрализацию в экономических и географических аспектах;
3. ориентировать общество на более продвинутую и демократическую стадию, контролируя общественную и географическую поляризацию;
4. обеспечивать устойчивое развитие через взаимозависимость различных общественных секторов и географических регионов; и т.д.

Для регионального сбалансированного и взаимозависимого развития были бы реализованы такие программы как: контроль за поляризацией между городом и деревней; развитие системы поселения на основе взаимозависимости крупных, средних и малых городов и деревень; развитие взаимоотношений между регионами предгорий и Тераи через выяснение разделения труда между ними; создание зон производства на основе комплексного развития крупной и малой промышленности и сельского хозяйства; установление национальной автономии в угнетённых национальных областях; осуществление региональной автономии и местного самоуправления в угнетённых и отдалённых областях; и т.д. В старой общественной системе, особенно вследствие централизации основных хозяйственных, социальных и материальных служб и инфраструктур в немногих городских центрах, имеет место концентрация неконтролируемого населения в крупных городах, что приводит к «одеревниванию» городов. Напротив, в новодемократической системе хозяйственные, социальные и материальные службы и инфраструктуры (напр., производства, банки, колледжи, больницы, электроснабжение, автодороги и т.д.) были бы обеспечены в сельских районах и проводилась бы политика «урбанизации» сельской местности. Эта политика и программы выполнялись бы через комплексное планирование развития и необходимые экономические и прочие меры.

IV.3. Процесс революционного преобразования.

Преобразование одной общественной системы в другую, или отрицание старого новым всегда происходит насильственно и революционным прыжком: народная война — такое средство отрицания старого новой силой и совершения нового прыжка к новой и высшей общественной системе. Есть две важные особенности процесса новодемократического преобразования через длительную народную войну в Непале:

A. Диалектический процесс разрушения и создания

Поскольку нынешнее непальское общество находится в полуфеодальной, полукOLONиальной стадии и здесь преобладает неравное развитие и крайне низкий уровень материального и культурного развития, необходимо шаг за шагом уничтожить старый способ производства, начиная с его самых слабых мест и систематически создать новый способ производства ему на замену (это стратегия длительной народной войны). Говоря конкретно, так как противоречие наиболее остро в сельских районах, то процесс разрушения старой структуры и создания новой должен исходить оттуда. Значит, в ходе развития народной войны в Непале параллельно продолжится снизу процесс разрушения старых производственных отношений и создания новых отношений. Соответственно, нынешние полуфеодальные отношения в сельских районах должны быть разрушены и на их месте будет осуществлена политика революционной аграрной реформы, индустриализации и сбалансированного развития — на новодемократической основе. Однако без укрепления новой государственной власти было бы невозможно осуществить экономическое строительство, и, даже осуществив, невозможно будет сохранить его. Вот почему политика организации новодемократической системы производства начнётся снизу в соответствии со стадией развития новой государственной власти, и только после завоевания государственной власти новодемократическая система будет реализована по всей стране.

Б. Переходный капитализм и непрерывная революция

Новодемократическая система — это в своей основе капиталистическая система. Однако, в нынешнюю эру империализма и в ситуации такого чрезвычайно отсталого состояния производительных сил как в Непале, невозможно развить капиталистическую систему в старой форме и сделать её устойчивой. В особенности невозможно для владельцев малых парцеллий и малого капитала увеличить производительность, трудясь по отдельности, и защититься от монополистических нападений крупного капитала. Значит только через постепенное кооперирование сельского хозяйства и через государственную защиту промышленности, или через систематическое продвижение по пути социализации, множество мелких производителей может продолжить своё существование и увеличить свою производительность. В этом смысле новодемократическая система — только переходная капиталистическая система, и её противоречия должны быть разрешены через высшую форму социалистической системы. Таким образом, только через процесс непрерывной революции возможно разрешить нововозникшие проблемы и противоречия в обществе в высшем плане. Процесс народной войны в Непале — звено в цепи такой непрерывной революции к разрешению проблем общества. Принципиальная цель и обоснование народной войны в Непале, таким образом, это развитие общественных производительных сил и создание высшей формы общества через непрерывную революцию в базисе и надстройке или сделав «политику командной силой».

Примечание: использованная в этой статье статистика главным образом происходит из официальных источников, таких как Центральное бюро статистики, Непальский Растра-Банк и т.д., из отчётов Организации Объединённых Наций, а некоторые данные — из исследований, проводимых негосударственными организациями.

«...Мы ни в коем случае не можем исходить из близоруких взглядов, свойственных мелким производителям, а должны учиться большевистской мудрости. Когда силы собственного зрения оказывается недостаточно, надо прибегать к помощи бинокля и микроскопа. Марксистский метод — это бинокль и микроскоп в политике и в военном деле»

Мао Цзэдун. Стратегические вопросы революционной войны в Китае. — Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 1, с. 375.

«Чтобы одерживать победы в партизанской войне, без плановости обойтись невозможно. Действовать наобум — значит только играть в партизанскую войну или быть в ней профаном»

Мао Цзэдун. Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков.- Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 2, сс. 147-148.

Таблица 1. Внешняя торговля Непала — классификация по странам и товарам (1994-95 гг.)

Страна		Индия			Другие страны			Общая торговля		
Товары		Импорт	Экспорт	Экспорт / импорт (%)	Импорт	Экспорт	Экспорт / импорт (%)	Импорт	Экспорт	Экспорт / импорт (%)
Первичные продукты	Стоимость (млн. рупий)	5242.1	2161	41.22	19861.31	276.4	13.92	16427.3	2437.4	14.84
	Доля в товарах (%)	25.21	64.14	-	44.40	1.90	-	25.07	13.16	-
	Доля по странам (%)	31.91	88.66	-	68.09	11.34	-	100.00	100.00	-
Вторичные продукты	Стоимость (млн. рупий)	15545.9	1208.1	7.77	24862.49	14253.2	57.33	49084.5	15461.3	31.50
	Доля в товарах (%)	74.77	35.86	-	55.58	98.10*	-	74.91	86.38	-
	Доля по странам (%)	31.67	7.81	-	68.33	92.19	-	100.00	100.00	-
Не классифицируемые продукты	Стоимость (млн. рупий)	3.2	0.0	-	11.7	0.1	8.5	14.9	0.1	0.67
	Доля в товарах (%)	0.02	0.0	-	0.02	0.00	-	0.02	0.0	-
	Доля по странам (%)	21.48	0.0	-	78.52	100.00	-	100.00	100.00	-
Всего	Стоимость (млн. рупий)	20791.2	3369.1	16.20	44735.5	14529.7	32.48	65526.7	17898.8	27.32
	Доля в товарах (%)	100.00	100.00	-	100.00	100.00	-	100.00	100.00	-
	Доля по странам (%)	31.73	18.82	-	68.27	81.18	-	100.00	100.00	-

Примечание: из «вторичных продуктов», экспортированных в «другие страны», шерстяные ковры и предметы одежды вместе составляют 92%.

Источник: Непальский Растра-Банк, отдел внешней торговли, 1995 г.

Таблица 2. Распределение домохозяйств (ДХ) и находящейся в собственности земли по размеру землевладения (проц.)

Размер владения	1961 г.		1971 г.		1981 г.		1991 г.	
	ДХ	Площадь	ДХ	Площадь	ДХ	Площадь	ДХ	Площадь
Безземельные	1.43	0.0	0.80	0.0	0.37	0.0	1.17	0.0
Менее 1.0 га	73.89	24.03	76.77	27.20	66.32	17.33	68.63	30.5
1-4 га	19.56	35.68	18.39	39.29	28.05	46.13	27.68	50.8
Свыше 4 га	5.13	41.42	4.03	33.74	5.35	36.54	2.51	18.7
Всего	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00

Источник: Центральное бюро статистики, сельскохозяйственная перепись Непала (1961, 1971, 1981 и 1991 гг.), Катманду.

Таблица 3. Территориальное распределение домохозяйств и находящейся в собственности земли после «земельной реформы» по размеру владений (проц.)

Размер владения	Долина Катманду		Восточный Тераи		Западный Тераи		Восточные предгорья		Западные предгорья		Непал	
	ДХ	Пл.	ДХ	Пл.	ДХ	Пл.	ДХ	Пл.	ДХ	Пл.	ДХ	Пл.
Менее 1.0 га	80.28	39.90	43.27	5.63	14.61	1.14	91.33	44.51	76.17	25.71	65.13	9.67
1-5 га	19.72	60.10	41.28	29.20	36.52	12.41	6.98	25.81	22.65	57.45	24.57	25.79
5-10 га	-	-	7.50	15.77	29.21	32.14	1.34	14.64	0.50	4.12	5.84	21.63
Свыше 10 га	-	-	7.95	49.40	19.66	54.31	-	-	0.64	12.63	4.46	42.91
Всего	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00

Источник: Заман, М.А. (1973 г.), «Оценка земельной реформы в Непале», министерство земельной реформы, непальское правительство Его Величества, Катманду (сс. 93-94).

Таблица 4. Распределение землевладений по типам владения и территориальным зонам (1961 и 1971 гг.)

Тип землевладения		Земледельцы-собственники		Арендаторы		Собственники-арендаторы			Всего	
Регион	Год	ДХ	Площадь	ДХ	Площадь	ДХ	Площадь		ДХ	Площадь
							своя	прочая		
Горы	1961	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	1971	82.00	76.50	2..30	1.56	15.63	13.91	8.02	100.00	100.00
Предгорья	1961	65.62	56.56	2..95	2.19	31.43	27.56	13.68	100.00	100.00
	1971	89.32	84.26	1.03	0.67	9.63	9.74	5.68	100.00	100.00
Долина Катманду	1961	38.13	35.00	12.19	7.51	49.61	27.64	29.85	100.00	100.00
	1971	54.27	58.19	19.96	12.89	25.77	15.84	13.09	100.00	100.00
Внутренний Тераи	1961	71.34	59.56	10.52	14.43	18.14	16.12	9.89	100.00	100.00
	1971	88.88	81.22	5.35	8.66	5.95	5.27	4.96	100.00	100.00
Тераи	1961	47.40	49.58	15.00	12.25	37.60	21.42	16.75	100.00	100.00
	1971	68.59	69.96	8.46	7.99	22.95	11.18	10.87	100.00	100.00
Непал	1961	59.64	51.84	7.17	9.79	33.19	22.64	15.72	100.00	100.00
	1971	80.99	73.65	4.38	6.48	14.61	10.62	9.32	100.00	100.00

Примечание: в данных за 1961 г. «горы» собраны вместе с «предгорьями».

Источник: Центральное бюро статистики, Сельскохозяйственная перепись Непала (1961 и 1971 гг.), Катманду.

Таблица 5. Распределение землевладений после «земельной реформы»

Землевладение	Домохозяйств, проц.		Возделываемые площади, проц.	Средний размер владения, га
	Всего ДХ	ДХ с земельными участками		
I. С земельными участками	92.2	100.00	100.00	-
1. Землевладельцы	1.8	3.31	26.91	18.33
2. Земледельцы-собственники	62.0	65.22	49.11	1.67
3. Собственники-арендаторы	19.1	20.70	15.36	1.64
4. Земледельцы-арендаторы	2.3	10.77	8.62	1.74
II. Безземельные	7.8	-	-	-
Всего	100.00	100.00	100.00	-

Источник: Заман, М.А. (1973), там же.